

Неская карта божья подсакивала по пуровкой,
широкой дороге, ведущей к долине. Запавески окошка висели
плотно и крепко, которые шли к реке, набухавшие
поворачивались и падалились убитыми, кто внутри. Когда
приблизилась к деревне, кипарис заплелся год и повернул
двоя реки. Остановился в широком лесу, с которого
визг соулканав, и скарпана к реке, тама поили скот,
спурали бив. **Жеперь и**
далеко карта, что с картами дорожно был вики
дросторавий, солнечный и в деревне.
Навсегда
Молодая растущая и в деревне дана окошка
карта, да вдова. Писала карта, которая обмарила
карта, да вдова. Писала карта, которая обмарила

Евгения Николова

Евгения Николова

Теперь и навсегда

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63422367

ISBN 9785005186638

Аннотация

Двуязычная книга на русском и болгарском языках. Повесть понравится любителям психологизма, ценителям развернутых природных описаний, гармонирующих с душевным состоянием героев, и тем, кому нравится кинематографический подход к повествованию.

Содержание

1	5
2	10
3	16
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Теперь и навсегда

Евгения Николова

© Евгения Николова, 2020

ISBN 978-5-0051-8663-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

*Я не хочу, чтоб свет узнал
Мою таинственную повесть
Как я любил, за что страдал
Тому судья лишь бог да совесть!..*

М. Ю. Лермонтов

Лёгкая карета бодро подскакивала по неровной, широкой дороге, ведущей к долине. Занавески окошек висели плотно и крестьяне, которые шли к реке, напрасно поворачивались и пытались увидеть, кто внутри. Когда приблизился к деревне, экипаж замедлил ход и повернул вдоль реки. Остановился в широком месте, с которого вниз спускалась крутая тропа к реке, там поили скот, стирали белье. Здесь из-за густых кустов трудно было заметить карету, зато с кареты хорошо был виден просторный, солнечный двор последнего дома в деревне.

Извозчик расстегнул лошадей и повёл по тропе к реке. Сразу маленькая рука еле-еле дёрнула занавеску окошка и пёстрые, зелёного блеска глаза начали обшаривать двор. Дом был большой, двор – обширный, с аккуратно расставленными постройками – амбар, конюшня, коровник. С чистого, только- что подметённого порога, начинались живописные цветные грядки, за домом – широкий, бережно подержанный огород. Тем временем в хозяйстве шла кипучая работа. Поседевшая женщина в тёмной косынке, повязанной низко, почти на глаза, убирала сорняк в саду.

Молодая, румяная, простоволосая девушка выносила ведро, с только что выдоенным молоком, сбросив в сторону плотную, соломенно-русую косу. Двое босых ребятишек,

в одних рубашках с прутом гонялись за ленивым котом.

На самом деле, здесь эта картина была обычной и неспокойные глаза, которые смотрели через окошко кареты, давно привыкли к ней. Однако они искали чего-то другого. С досадою и с нетерпением осматривали двор и сразу устремились к дровянику, когда из него вышел молодой человек с топором, завернул рукава и начал колоть дрова.

Как только он появился, рука мгновенно опустила занавеску и лицо дёрнулось с испугом назад, но лишь через секунду стремительно и с жадностью прилипло к стеклу. Глаза расширились и начали с напряжением следить за режущим воздух топором. Каждый удар звенел в ушах, отзывался в сердце и всё быстрее стучало оно в груди. Всё быстрее Сергей ударял топором, хрустело расколотое дерево. Со слезами на глазах она приклеилась щекой к стеклу и оно вспотело от горячего вздоха. Бриллиантовая серьга ослепительно блеснула на солнце. Он взглянул туда, она встрепенулась, отодвинулась от окошка и тяжело опустилась на сиденье, закрыв рот ладонью. Сколько времени прошло – она не знала, сердце отстукивало время быстро, громко стучало в висках. Извозчик начал скрипеть ярмом, застегнул лошадей, крикнул, поехали. Целая вечность!

Александра вздохнула. Сколько времени прошло, она не знала, как долгого это длилось и когда все это началось?

Ей казалось, что миг тому назад. Ведь не в первый раз по дороге в церковь подъезжает она на карете к этому до-

му в конце деревни. Сколько раз её маленький экипаж оставался здесь, чтобы напоить лошадей? Каждый ли день? Много ли дней? Много ли прошло с того дня, когда увидела его впервые, приехавшего в Подгорное с поставками из деревни? И тогда, стоя у высокого окна, она безразлично смотрела в никуда. И тогда глаза искали чего-то неведомого, ей самой непонятного. Может быть тогда так же блеснули бриллианты на солнце, может быть из-за отблеска Сергей поднял глаза и увидел высоко за окном силуэт молодой графини. Наверное поэтому он всё время бросает взгляд на окошко, но не удаётся ему разглядеть лицо, спрятанное за кружевной занавеской. Много времени прошло – словно целая вечность прошла за один лишь короткий миг...

Александра сжимала глаза, мяла руками какой-то бантик и нечаянно оторвала его с платья. С досадой посмотрела – на сиденье подскакивал маленький пакетик. Не задумываясь, рассеянно начала рвать бумагу, мысли её были далеко. Она открыла коробку – в ней был маленький круглый медальон из серебра на длинной цепочке. Мысли вернулись к ней – да, ювелир послал его, чтобы внутри она положила свой портрет – как подарок жениху – застаревшему, но поговично богатому князю Перекрестову, изысканному дворянину, блестящему светскому человеку, желанному собеседнику в каждом салоне и особенно близкому к императорской семье. Он увидел её только один раз (может быть поэтому ему нужен портрет – со злостью подумала она), но влю-

бился с первого взгляда и согласился жениться на ней без приданого только из-за её молодости и красоты. Её отец, старый граф Борис Старовский был добрым, но безрассудно беспорядочным и расточительным человеком. Почти полностью разорённый, он ипотекировал или продал всю свою провинциальную недвижимость кроме усадьбы Подгорное и чтобы уменьшить свои огромные расходы по хозяйству, был вынужден приехать на некоторое время из своего московского дома в деревню и дожидаться выгодного замужества дочери. На это замужество надеялась теперь вся семья, от него зависели займы и залоги, а также выгодные браки остальных братьев и сестёр. Пока женщины скучали, лишённые блеска светской жизни, мужчины проводили спокойные и безмятежные дни – охотясь и обедая в компании местных помещиков, мелких торговцев и управляющих – не совсем отборного, но достаточно приятного для старого графа общества. Александра небрежно крутила медальон на пальце. Мысли тяжелели, водили её назад, к реке, к миру, которого не знала, к нему. Он, наверное, про неё не знал, наверное, не ждал её встретить. Не думал, наверное, о ней в короткие летние ночи, там, в поле, возле шалашей, когда вечером девушки пели косарям упоительные песни о любви, плели венки... и сладко, заманчиво пахли степные цветы, и буйный огонь обжигал, и краснели щеки. Ей слышались эти песни, когда тайком выходила ночью и ездила верхом по степи до полного истощения. Но он не знал, не знал про неё...

От гнева и бессилия, её глаза налились слезами, но она проглотила их и лицо приняло обычное гордое, самоуверенное, чуть холодное выражение.

Ночь была душной, тяжёлой от летнего зноя, земля выпускала тепло и сладкий запах трав. Ночь была лунной, с большой, опалово – белой, неподвижной луной. Повсюду, куда мог достичь взгляд, серебряный свет заливал степь, манил глаза. Была одна из тех ночей, в которые трудно уснуть. Было светло и из-за света Александра пряталась под тенями крыши заднего крыльца. Оседланная лошадь ждала её встопону, у стены конюшни, в тени старой, усыпанной ароматным цветом липы. Кругом никого не было видно, ни подкупного слуги, ни горничной Насти. Наверное, она, как услужливая соучастница, уже тихонько похрапывала, накрывшись до головы на скамейке. Александра босиком, в одной ночной рубашке и широком плаще, осторожно развязала поводья. Лошадь, узнав свою хозяйку, медленно пошла по знакомой дороге. За поворотом дорога стремительно спускалась вниз, к равнине и отсюда её уже не было видно. Александра ловко вскочила в седло и помчалась вдаль.

Как раз это и нужно было ей, в такую жаркую лунную ночь – мчаться, развеяв волосы на ветру, по необъятной степи, далеко-далеко, куда только достигал взгляд, к луне. Высокая, молодая трава как будто прикасалась к небу и широко, властно разливалась дивная, серебряная река. Надо вдыхать полной грудью горький запах стоптанных копытами цветов.

Разве можно уснуть в такую ночь? Задыхаясь, взволнованная, Александра вошла в рощу возле реки, за ней начинались луга. Она знала – теперь косцы спали в поле и он был там, там где – то за рощей. Она бросила томный взгляд туда. Спит ли он в эту волшебную ночь? Погрузившись в свои мысли, она спустилась с коня у самого берега глубокого пруда. Заманчиво блестели серебристые волны, жарко, сладостно пахла тёплая земля- влагою, скошенной травой, полынью, чем-то, пленительным, тайным... Пламенеющая от езды, незаметно, медленно Александра вошла в реку. Как бы во сне, в заколдованный лес увлекла, увела за собой её вода, она закрыла свои и снова увидела его глаза – цвета василька, устремлённые на неё, глубокие, холодные, непонятные, как вода. Она вздрогнула, открыла глаза и увидела его. Он стоял на берегу как во сне и пристально, с изумлением смотрел на неё. Сколько раз она себе представляла этот миг, сколько раз он ей снился. Во сне ли видит его или наяву? Он стоял там. Александра снова закрыла, снова открыла глаза – он стоял там. Вдруг опомнилась, густой румянец залил её лицо. Она заплыла к тенистому берегу пруда, туда, откуда спустилась в воду, быстро запахнула плащ, вдруг ей стало холодно, мокро, стыдно, мелко задрожала. Взглянула на него, снова застыла, глядя в его глаза, опять утонула в глубокую, холодную, незнакомую воду. Это был *он*, о нём она мечтала, он снился ей в тёплые ночи и на него смотрела она в забвении через окошко кареты. С усилием спустила взгляд с его

глаз, медленно, нерешительно пошла к лошади, еле, дрожащей рукой схватила поводья. Сергей быстро пересек ей дорогу, сильно сжал её запястье.

– Кто ты?

От боли она пришла в себя, злостно стрельнула его глазами. Уже был рядом, она ощущала его дыхание, его глаза, его губы, так близко... Растерявшись, Александра не думала, на нее набрасывались беспорядочные мысли. Она моргнула глазами, чтобы прогнать их, но в голове снова гремело – он был здесь, настоящий, перед ней, не в мечтах, не во сне. Рука его была тёплой, от него пахло скошенной травой, табаком, чем-то, от чего кружилась голова. Она закрыла глаза, нечаянно поцеловала его, нехотя опустила поводья, и почувствовав какую-то непонятную слабость, прислонилась к нему. Сергей подхватил её и на руках понёс через лес.

Александра в третий раз утонула.

В старом, заброшенном шалаше возле реки косари иногда отдыхали днем, но не ночевали из-за полуразрушенной кровли. Теперь, под широкой дырой крыши, на сене, Сергей рассматривал облитое лунным светом лицо спящей Александры. Лежавшая на спине, с ладонью под щекой, слегка откинувшая голову в сторону, с расстеленными тёмными кудрями и в серебристой на лунном свете рубашке, она была похожа на волшебное, лесное создание из старинной сказки. Сергей недоумевал, откуда она взялась – белая, прозрачная,

нереальная. Долго всматривался он в её лицо с любопытством и недоверием. Неужели ему принадлежала эта женщина, которую он так легко, как во сне, принёс на руках в шалаш? Или это была русалка из лесного омута, которую девки разбудили песнями и гадалками? Он боялся прикоснуться к ней, разбудить её, ему казалось, что она вот-вот превратится в серебристую пыль в его руках. Кончиками пальцев поднял одну из тёмных кудрей, накрутил на палец, коснулся её губами и долго, долго стоял так, пока луна зашла и уставшим, наконец закрыл глаза. Когда опять их открыл, она, как это бывает с русалками, исчезла, кажется побоявшись солнечного света.

Графиня Александра Борисовна, дочь достойного графа Старовского, последнего представителя древнего дворянского рода, влетела в дом, как была, босой, с разброшенными волосами под спущенным капюшоном, через задний подъезд. Пылающая от стыда и злости, она поднялась сразу наверх, в комнату и заперла за собой дверь. Отругала плачущую и побледневшую Настю, которая всю ночь ждала, дрожащая на посту у двери. Приказала, чтобы сильно растопили баню и лишь когда Настя вышла, сняла капюшон с головы и торопливо начала убирать с волос соломки, ядовито рвала вместе с ними заплетённые пряди. Потом в бане, приказала так нахлестать венком, что её нежная кожа вся загорелась, а она, повернувшись к стене, прикусывала губы до кро-

ви и плакала без голоса. Во время чая графиня Александра явилась в новом бледно-лиловом платье и с фиалками в тщательно причёсанных волосах. Выражение её лица снова стало, как всегда, гордым и слегка надменным, только глаза казались как-то бóльшими, открытыми и блестели новым, мягким карим блеском.

* * *

Косари остановились уставшие, задыхаясь, опираясь на косы. Светловолосые девки в белых косынках поднимали вышитые юбки своих пёстрых сарафанов, перепрыгивали через ароматные кучки сена, подавали им кислого кваса из холодных глиняных кувшинов. Сергей всматривался в их румяные лица, искал в их низко опущенных взглядах – искал её, но её не могло быть здесь, она не могла так опускать взгляд, она же смотрела на него дерзко, прямо в глаза. Нет, она не могла быть среди них.

Уходя, девушки заводили старинную песню. Протяжные, медные голоса неслись над лугами, слова пронизывали сердце, волновали. Пот капал прямо перед глазами, мокрая рубашка прилепла, щекотала его спину. Ослепительно блестело лезвие под жарким солнцем, легко, с треском падали влажные, душистые травы. Сергей шёл вперёд, сильнее других, быстрее других, неумоимо свистела коса. Издалека, от реки, долетала песня девок, звучала в его ушах, пленя-

ющим, горьким запахом пахла трава. Повсюду, куда только доходит взгляд – тучные луга, наверху – высокое, голубое, спокойное, недостижимое небо, в душе его – светлое, новое, иное...

Александра сначала не увидела его или не сразу это поняла. Она только почувствовала, как что-то сильно толкнуло её, горячая волна поднялась из груди, залила лицо, кровь шумела в ушах. Лишь тогда увидела его и потом больше никого не видела... кроме него. И опять та же самая слабость в коленях и опять властная, покоряющая сила подкосила ноги. Отчаянным усилием она еле удержалась на ногах, оцепеневшей, однако гордой, а ей хотелось плакать, только плакать – долго, безутешно, до истощения...

Никто этого так и не понял.

Сегодня в очередной раз управляющий имением Лавров привёл на традиционный обед в Подгорное нового человека. По поручению старого графа, он был обязан находить и приводить сюда новых людей, чтобы дамы не ощущали нехватку разнообразного московского общества. Здесь в захолустье, это было тяжёлое, почти невыполнимое задание и часто за стол графа садились мелкие буржуа, поставщики и торговцы. Александра не верила своим глазам – Сергей стоял перед ней, улыбался только глазами, сдержанно представился. Она стояла перед ним, опять вся в белом, но в этот раз в кружевах и брильянтах, гордая, сознающая блеск своей красоты. Стояла бледная и безмолвная, как фарфоровая фигурка на роскошной скатерти. Стояла недостижимая, далёкая, но он ни-

как не показал своего изумления, вёл себя весело, был разговорчив и очень понравился скучающим дамам и больше всего графу. Сергей смотрел на неё, не стесняясь, он любовался ей и удивлялся – разве эти аккуратно уложенные, высоко поднятые, тёмные кудри те -же самые, что он накручивал на свои пальцы? Глядя на её сдержанную любезность, слыша её короткие высказывания, он отвечал себе на вопрос той ночи: «Нет, это невозможно, она не была моей, она никому не может принадлежать.»

И вдруг она бросала на него умоляющий взгляд, с нежностью, с отчаянием, как будто просила не смотреть на неё, не мучать её своим взглядом. За несколько секунд её глаза наливались слезами и проблёскивали зелёными и карими нюансами, и он знал, что эти слёзы из -за него и смущенно уводил взгляд в сторону и ему было жаль её, но вместе с этим как-то сладко, приятно. И снова, в один миг, глаза её высыхали и снова холодная гордость, даже неприязнь, выражало её лицо. Это был гнев, ярость к самой себе, болезненная, бесильная ярость к любви, с которой не могла больше бороться. Она была не в силах, опустошённая, как раненой во многих местах косуле, ей оставалось только одно – безмолвно, большими, влажными глазами просить о скорой смерти. Когда садились за стол, он прошёл мимо нее и прошептал ей в ухо: “ В том же месте, сегодня вечером, приходи.»

Она вздрогнула, покраснела, жизнь вернулась к ней. В тот день Александра казалась всем особенно обаятельной.

Тысячи звёзд металлическим блеском отражались в зеркальную поверхность пруда. На тёмном встречном берегу грустные ивы безмолвно опускали ветви в неподвижную воду. Было тихо, необычайно тихо, страшно. Они сидели на крутом берегу, говорили еле слышно, почти шептали.

— Посмотри, Саня, я тебе кольцо сделал, было дерево такое у того шалаша. — Он надел на ее безымянный палец деревянное кольцо с искусно сделанной резьбой из старинных завитушек.

— Я тебя уведу далеко, далеко в леса, там тебе построю дом, знаю как — с цветными грядками, с садом. Там будешь только моею! Хочешь, Саня?

Александра положила голову на его плечо, зажмурила глаза — чёрные деревья резко выделялись своими очертаниями на необыкновенном звёздном небе. Сквозь прижмуренные ресницы она будто видела там, вдалеке, деревянный дом в лесу, с грядками цветов, с кружевными занавесками на окнах. Еле слышно она вымолвила:

— Я и теперь твоя, Сергей. Я твоя жена навсегда. Растопырила пальцы, всмотрелась в кольцо, её маленькая, белая рука выделялась ярко на фоне чёрного неба.

— Ты моя жена только здесь, в этой роще, только передо мной, только в эту ночь. Только здесь и только с этим коль-

цом нам можно венчаться, Саня. – Голос его как-то стал глухим. Александра смотрела на кольцо и дальше начало уходить, растаивать видение с домиком, а было близко, ей хотелось протянуть руку, прикоснуться к нему, уже представляла себе, как выдут тайком из дома, как понесутся туда, далеко, далеко – вдвоём. Но не смогла уловить видение, как тоненькая прозрачная мгла растаял между пальцами, исчез лесной домик. Страшной силой налетела, свалилась вдруг тяжёлая, тягостная реальность – она поняла, что счастье далеко и недостижимо. Чувство ужасной, невыносимой невозможности пронзило её полностью. Не было на этом свете места, даже и в самом глубоком лесу, где она могла быть его женой, кроме в её душе, которая всё равно обречена ему. Не венчальное, обручальное было это кольцо и другого у неё никогда больше не будет. Александра ожесточённо вонзала ногти в мягкую почву, с болью, со сжатыми зубами сказала:

– Я обещала, Сергей, я должна...

Сергей резко встал, схватил её за плечи, поднял, грубым движением притянул к себе, вздохнул шумно и сквозь зубы сказал:

– У меня тоже обязанности, ты же знаешь – я не один, от меня зависят... – Схватил её за руки, выше локтей, встряхнул её, их лица были так близко, губы едва не прикоснулись. Она ощущала его горячее дыхание и вместе с этим – морозящий холод его взгляда. Его синие глаза стали стеклянными, непроницаемыми, смогла скользнуть взглядом только

по их поверхности. Тихо, медленно, прямо в лицо, Сергей сказал ей:

– Я могу забрать тебя силой, Александра. На коне увезу тебя в сотни вёрст отсюда, никто тебя не найдёт, ни братья, ни князь, никто! – Сергей даже не моргнул глазами. Вдруг, будто что-то треснуло в нём, он на мгновение стал мягче, но всё ещё сжимал сильно, не сознавая, её руки выше локтей:

– Саня, ты меня любишь? Иди со мной, этой ночью, сейчас! Я тебя уведу далеко. Саня?

Губы её задрожали, словно безмолвно отвечали: «Да, возьми меня!», то же самое говорили и её глаза, но голос, который ответил – это не был её голос, а чужой, плачущий и умоляющий – исполнил его ещё большим ожесточением:

– Серёжа, отпусти меня, мне больно...

Противным и жалким казался ему этот голос и её взгляд, наполненный покорной просьбой и сожалением. Он яростно оттолкнул её от себя, она пошатнулась назад и быстро пошла к лошадям. Сев на свою, она погнала ее через лес, все время нервно ударяя ее в бока тапочками, а когда вышла из леса, бешено помчалась через долину к Подгорному. Капюшон опустился с головы, волосы распустились в беспорядке, степной ветер хлестал, не щадя её лицо. Сергей злостно сломал ветку и рассекая ею воздух, пошёл через лес пешком.

Задышающаяся, красная от езды и от тайного проникновения в дом, Александра лежала в постели не раздевшись и не мигая, смотрела в потолок. На скамейке тихо похрапывала Настя. Лежала так, неподвижно, пока в высоком окне, небо начало бледнеть. Встала, устало оперлась на карниз локтями, жадно вдохнула, направила глаза туда, вдаль, к реке. Где-то над рощами она увидела огненное зарево. Густой, чёрный дым ползал вверх, окутывал зарю.

– Настя, вставай, пожар, Настя!

Толстенькая Настя, сонная, поднялась, зевнула, подошла к окну.

– Ну, барышня, кажется, это где-то ближе к лугам, не видно его. Не дай бог, чтобы шалаш у косарей горел!

Перекрестилась и снова сунулась в свою постель на скамейке. Александра долго смотрела на пожар, огненные отблески блестели, отражались в её глаза, что -то сгорало в её душе, как будто жаркий круг сжимал грудь.

Не спустилась на завтрак, голова у неё тяжелая, а уже третий раз присылали звать её. Наконец поднялась с постели. Невыспавшаяся, непричёсанная, одетая в том же самом, в чём была вчера, она медленно, с трудом спустилась по большой лестнице. Сразу её встретил Митя, младший брат, покрасневший от восторга и увлёк её вниз.

– Сашенька, да что ты ещё спишь? Такие дела, Саша! Война! Мобилизация! Созывают ополчение! Наконец-то война с французами!

– Война, какая война, а что с пожаром?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.